

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА**

**УШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1972**

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БИРМАНЦЕВ
О ХАРАКТЕРЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

(на материале бирманской драматургии XIX века)

В данном сообщении сделана попытка выявить некоторые представления бирманцев о характере королевской власти на материале драматургических произведений второй половины XIX века. Используются пьесы У Чин У "Махо", "Папахейн", "Дэйвакоунбан", пьесы У Поун Ня "Визая", "Падума", "Вэйтандара", "Котала", пьеса У Чан Мья "Тхвэймено", пьеса У Поу Ни "Конмара" (в заглавие вынесены имена главных героев), а также пьеса У Поун Ня "Водонос".

Драматургия Бирмы, как и большинство произведений бирманской литературы до XIX века, проникнута духом буддизма. Бирманская драма создавалась в условиях глубокой веры всех слоев общества в "дхамму" (буддийское учение). Действительно, все персонажи пьес — люди, боги и животные являются ревностными буддистами.

Мир людей и мир богов тесно переплетаются между собой и находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Буддийский король богов Тиджамин следит за событиями, происходящими в мире людей и активно вмешивается в них. Он спускается с небес, чтобы вручить герою волшебное оружие (пьесы "Папахейн", "Дэйвакоунбан", "Визая", "Котала"), открывает тайну рождения героя ("Котала", "Дэйвакоунбан"), выполняет охранительские функции ("Вэйтандара", "Тхвэймено", "Конмара", "Визая") и т.д. Герои пьес также постоянно обращаются к Тиджамину: "О, Тиджамин, восседающий в золотом дворце на высокой горе..." ("Вэйтандара").

Между миром людей и миром богов существует как прямая, так и обратная связь — люди не только обращаются за помощью к богам, но и своими поступками каким-то образом воздействуют на их существование: "Лети, стрела, создай шум, подобный грому, пусть сама гора Меру¹ сотрясается от этого грохота..." ("Дэйвакоунбан").

Королевство богов представляет собой как бы копию государства людей, в котором происходит действие любой из драм. Король богов Тиджамин восседает в золотом дворце на вершине мифической горы Меру: "Твой отец, великий король, удалился к горе Меру, чтобы наслаждаться счастьем в многобашенном дворце богов" ("Па-

дума"). Так же как и земной король, он имеет своих министров и небесное войнство.

Таким образом в представлениях бирманцев государство людей становится как бы уменьшенной моделью вселенной (микрокосмом в макрокосме), а земной король и король богов соотносятся как правители микрокосма и макрокосма. Если король богов - это центр мира небесного, располагающегося на горе Меру, то центром "мира земного" является земной король.

Во всех рассматриваемых пьесах по отношению к королю употребляются особые стереотипные формулы обращения, которые варьируются лишь с небольшими изменениями. Например, представление о короле, как о некоем космическом центре отразилось в его титуловании: "центр вселенной"; "король, перед кем склоняется весь мир"; "господин вселенной"; "король, почитаемый во всей вселенной" и т.д.

Король является как бы представителем буддийского короля богов² на земле. В текстах пьес он определяется как "бог золотой страны", "бог королевства", "богоподобный". Но если король еще не является богом, то в силу могущества, полученного в результате множества добрых деяний (доказательством чего служит его королевский титул) он может стать богом в следующем существовании. Для сообщения о смерти короля в Бирме существовала официальная формула: "удалился в селения натов (богов)". В текстах пьес его обычно называют "будущим богом" или "будущим Буддой".

Однако провозглашение короля будущим Буддой является не только фактом литературы. Например, бирманский король Бодопа (1781-1819) был всенародно объявлен Ариматией (грядущим Буддой).

Таким образом король является как бы посредником между миром людей и миром богов, существом, поддерживающим космический баланс и осуществляющим равновесие во вселенной.

Такое отношение к королю было связано не только с буддийскими представлениями, но и с анимистическими верованиями в особую природу королевской власти, распространенными в ЮВА. Считалось, что король, как правитель государства, обладает огромной духовной властью и может аккумулировать духовную власть вещей или других людей. Например, в пьесе "Папахейн" безоружный король лишь силой своей духовной власти побеждает обладающего волшебным оружием противника.

Согласно воззрениям бирманцев, магическая власть была при-
суща не только и не столько священной особе короля, сколько ок-
ружающим его символам власти: регалиям, оружию, самому дворцу.

На описание королевских регалий в пьесах бирманских авторов
обращается особое внимание, причем как правило к королю или прин-
цу обращаются не называя его титула, а указывая на обладание ре-
галиями, обеспечивающими титул: "надежда престола", "наследники
трона и дворцового зонта", "достойный наследник дворцового зонта",
"обладатель белого зонта", "сын восточного дворца", "бог золотой
страны, осененной зонтом", "госпожа правого дворца".

Однако наиболее важное значение в освящении королевской
власти придавалось дворцу. "В Бирме королевский дворец как центр
мира и космическое дополнение к горе Мэру был священным даже без
самого обитателя и захват дворца был, следовательно, настоящим
соблазном для будущих узурпаторов, которые, заняв королевский
дворец, могли достигнуть обладания символом королевской власти³.
По свидетельству Скотта бирманские короли, опасаясь захвата влас-
ти, практически становились пленниками золотого дворца⁴. Они поки-
дали его лишь в момент коронации, а также в дни важнейших буддий-
ских празднеств. Во время правления короля Миндона (серед. XIX ве-
ка) была совершена попытка захватить дворец, когда король был
на богомолье. Последний король Бирмы Тьбо (1878—1886) отказал-
ся даже от официальной церемонии коронации, боясь покинуть дво-
рец хотя бы на короткое время и за все свое царствование никуда
не выезжал.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что посредником
между "миром земным" и "миром небесным" являлся не только ко-
роль. Функцию медиаторов выполняли также предметы, символизиро-
вавшие королевскую власть — регалии, оружие, наконец сам дворец,
обладание которым обеспечивало не только земную власть, но и
поддержание космического порядка.

Особая роль дворца подчеркивается и в пьесах бирманских
драматургов. Например, герой пьесы "Папахейн" говорит: — "Нару-
шив клятву, король покроет позором себя и свою страну. Тогда
мне будет легче захватить дворец и совершить переворот... Я ста-
ну известен на всем острове Замбудипа, меня прославят в летопи-
сах и исторических хрониках...".

Хотя принц собирается захватить трон незаконным путем, он

уверен, что его будут прославлять в истории. Герои пьес часто упоминают об исторических хрониках, которые воспоют их подвиги. Эти упоминания не случайны, т.к. хроники и исторические записи играли важную роль в освящении личности короля, только что пришедшего к власти. Бирманские дворцовые хроники изобилуют мифами и преданиями, цель которых сводилась к обожествлению королей.

Таким образом тексты пьес свидетельствуют о том, что бирманская драматургия, отражая представления бирманцев о мире, подобно летописям и хроникам, была призвана прославлять короля как представителя непрерывающейся традиции королевской власти, посредника между миром людей и миром богов.

1) Мифическая гора, расположенная в центре вселенной, обиталище богов.

2) Следует отметить, что буддийские боги в представлениях бирманцев резко отличаются от европейского понятия "бога". Это сверхъестественные существа, обладающие определенными магическими свойствами, но, как и люди, находящиеся в тисках цикла перерождений.

3) J. Van der Kroff, *Kingship and political legitimacy in SEA*, - *Asiatische studien*, XXII, 1968, p.77.

4) Shway Yoe, *The Burman, his life and notions*, London, 1910, p.172.

З.Н.Ворожейкина

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ КАМАЛ АД-ДИНА ИСМАИЛА ИСФАХАНИ

"С т а н с ы" о з у л ь ф а х

Четверостишия Камал ад-Дина Исмаила Исфахани отличаются большим разнообразием тематики. Можно даже отметить, что традиционная для средневековой персидской поэзии узкая замкнутость тематического круга в четверостишиях Камал ад-Дина носят подчеркнуто-выраженный характер.

Из 554 четверостиший, входящих в диван Камал ад-Дина Исмаила^I, почти половина посвящена воспеванию красоты возлюбленной. Постоянными компонентами в разного рода сравнениях выступают: